

противопоставляет конкретную человеческую телесность как аскетическому, так и грубому, разнузданному средневековому миру.

Задача Рабле заключалась в том, чтобы собрать распадающийся мир на новой материальной, а не религиозной основе. Рабле создал хронотоп, который противопоставляет эсхатологизму творческое, продуктивное время, которое измеряется не разрушением, а ростом и созданием. «Пространственно-временной мир Рабле — вновь открытый космос эпохи Возрождения. Это, прежде всего географически отчетливый мир культуры и истории. Далее, это астрономически освещенная Вселенная. Человек может и должен завоевать весь этот пространственно-временной мир» [1, с.275].

В описании Бахтина сопоставление хронотопа рыцарского романа и хронотопа Данте с раблезианским хронотопом позволяют более ясно ощутить разнообразие средневековых хронотопов и своеобразие культуры, которая их породила.

Время же Достоевского, равно как и специфику категории пространства его романов, М. М. Бахтин объясняет таким образом: «Событие взаимодействия полноправных сознаний, не поддающееся обычному сюжетно-прагматическому истолкованию» [2, с. 9]. Оно требует другой «неэвклидовой концепции» пространства и времени.

Итак, хронотоп Бахтина, представляя собой взаимосвязь между категориями времени и пространства, является своеобразным детерминантом концептуальной модели разных эпох. Его основная роль состоит в отображении ценностного и культурного пласта общества, сравнении значимых позиций того или иного времени.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. : Сб. — М.: Худож. лит., 1975. — 504 с.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин — Изд. 3-е. — М. : Художеств. лит., 1972. — 470 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского / М. М. Бахтин — 2-е изд. — Л. : Прибой, 1929. — 244 с.
4. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин — 2-е изд. — М. : Художеств. лит., 1990. — 543 с.
5. Микешина Л.А. Философия науки. Общие проблемы познания. Методология естественных и гуманитарных наук: Хрестоматия / [отв. ред.-сост. Л.А Микешина]: Прогресс-Традиция, 2005.—992 с.
6. Ухтомский А. А. Доминанта / А. А. Ухтомский. — СПб. : Питер, 2002. — 448 с.

Дзюбенко М. А. – аспирантка кафедры философии и социологии государственного учреждения «Южно-украинский национальный педагогический университет имени К. Д. Ушинского»

УДК: 303.6+345.026.8

НЕНАСИЛЬСТВЕННАЯ КОМПОНЕНТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются основные ненасильственные методы сопротивления милитаристическому укладу политических отношений. Анализируется их философская составляющая. Проводится анализ мотивационных установок индивида при выборе ненасильственной политической позиции.

Ключевые слова: *ненасилие, пацифизм, милитаризм, антимилитаризм, политическое отчуждение, власть, сила, политическая реальность.*

НЕНАСИЛЬНИЦЬКА КОМПОНЕНТА ПОЛІТИЧНОЇ РЕАЛЬНОСТІ

У статті розглядаються основні ненасильницькі методи опору мілітаристського укладу політичних відносин. Аналізується їх філософська складова. Проводиться аналіз мотиваційних установок індивіда при виборі ненасильницької політичної позиції.

Ключові слова: *ненасильство, пацифізм, мілітаризм, антимілітаризм, політичне відчуження, влада, сила, політична реальність.*

NONVIOLENT COMPONENT OF POLITICAL REALITY

The article reviews the main methods of nonviolent resistance to militaristic way of political relations. Examines their philosophical component. The analysis of motivational attitudes of the individual in choosing non-violent political position was done.

Keywords: *non-violence, pacifism, militarism, antimilitarism, political alienation, power, strength, the political reality.*

Ненасилие как особый свод поведенческих правил впервые было определено в древнеиндийских вероучительных источниках. Эта концепция, озвученная как ахимса, предполагает необходимость осознанного отказа от любых практик, приводящих к насилию. Позднее идеи ненасилия нашли свое отражение во всех мировых религиях и этических нормах нашего общества. В данной статье мы попытаемся систематизировать политические ненасильственные и миротворческие реакции на использование силы.

Ненасильственная концепция существования ставит во главу политических принципов ценности гуманизма и требует от общества соблюдения правил морали и нравственности.

К настоящему времени в научных кругах так и не нашлось точного ответа на вопрос, является ли ненасилие непосредственной составляющей человеческой природы, либо же оно выступает рудиментарной реакцией индивидов, чьи ценностные ориентации подверглись внешним существенным трансформациям.

В последнее время регулирование внешнеполитических отношений во многих странах отталкивается от позиций гуманизма, за счет чего и стало возможным говорить о прогностических векторах развития ненасильственных взглядов и их интеграции в регулирование политической обстановки во всем мире. Открытый конфликт между странами все чаще преобразуется в здоровое соперничество или сотрудничество.

Ниже мы рассмотрим основные ненасильственные течения в современной политической реальности.

Пацифизм (от лат. *Pacificus* - умиротворяющий) – это особое международное антивоенное политическое движение, декларирующее принципиальное ненасильственное противостояние военным конфликтам. Именно пацифисты всегда выступали против законопроектов о принудительной армейской службе. И, хоть сам термин пацифизм появился лишь в начале XX столетия, исторические корни данного движения находятся в буддистском учении о непринятии зла (буддизм является наиболее пацифистским учением из всех, имеющих в арсенале нашей цивилизации). Еще в 1912 г. слово пацифизм не фигурировало ни в одном официальном языковом источнике. И лишь только «Иллюстрированный французский энциклопедический словарь» ввел в свое содержание понятие пацифист, объяснив его как: «...политический деятель, постоянно стремящийся установить мир между нациями». Однако практически ни один сторонник пацифизма не узнал себя в столь пространным объяснении, потому как зачастую он совсем не являлся политически активным деятелем.

С каждым годом ООН отмечает все нарастающий интерес общества к идеям пацифизма [4, с. 209]. Политологи объясняют этот интерес появлением оружия массового поражения и сомнительными миротворческими акциями, проводящимися многими развитыми странами относительно менее развитых соседями. Уже к концу XX века пацифизм, нашедший свое отражение главным образом в требованиях запретить военные вмешательства, разоружить мировой запас военной техники и боеприпасов, применять лишь судебные решения в качестве объективной оценки ситуации, возымел широкий круг последователей как в Великобритании, США, Канаде, так и во многих остальных странах мира. Политическая пассивность пацифистов, преобладавшая в их поведении в середине XX века, сменилась к нашему времени активной ненасильственной гражданской позицией. К такой гражданской позиции относятся демонстрации, марши протеста, пикетирования, «живые цепи» и многие другие способы отстаивания собственных аксиологических воззрений.

Политическая составляющая пацифизма определяется в зависимости от тех или иных целей, преследуемых пацифистами в данный отрезок времени. Но основная ее идея всегда неизменна. Это – борьба за мир.

Антимилитаризм – это особое движение социально и политически разнородных сил, объединенных идеей борьбы против использования вооруженного насилия при разрешении внутренних и внешних политических конфликтов государств. Антимилитаризм существует как во

внутренне государственном, так и в глобальном масштабе. Он представляет собой особую разновидность антивоенного движения. Однако антимилитаризм, в отличие от того же пацифизма, длительный промежуток времени был направлен исключительно против вооруженного насилия в конкретных реакционно-политических целях.

Мировой антимилитаристический союз стремится поддерживать мир и дипломатические отношения между государствами и борется против вышеупомянутого милитаристического насилия. Если конкретнее, то таким насилием считается насильственный призыв к военной службе, беспрекословное понуждение граждан отстаивать политические интересы и территорию собственной страны без их согласия путем милитаризма, неприятие идей о коммерческой военной службе на добровольных контрактных началах, принудительное обучение несовершеннолетних военному мастерству в средне образовательных учреждениях.

Относительно конкретных политических взглядов антимилитаристов – практически все они являются приверженцами демократического капитализма. Кроме того, в настоящее время существует и Антимилитаристическая радикальная ассоциация (АРА). Она существует на правах филиации Транснациональной Радикально Партии. ТРП – это межконтинентальная негосударственная организация, засвидетельствованная и зарегистрированная при ООН в особом консультативном статусе первой категории. Данная партия ныне включает в себя более двадцати тысяч людей в разных уголках Земли.

Ключевым отличием антимилитаризма и АРА от прочих форм ненасильственных политически ориентированных структур является принятие и поощрение насильственной самообороны в случае малейшей угрозы физическому здоровью, исходящей от противника. Антимилитаристы не только признают, что насилие порой является единственным способом сохранить собственную жизнь, но и принимают непосредственное участие в современных разработках средств личной защиты. Таких как газовый и перцовый портативные баллончики и пр.

Политическое отчуждение. В горизонте очевидности современной политологической мысли политический механизм отчуждения представляется как отстранение большинства сознательных граждан от реальных процессов формирования власти и контроля над ней, которое считается “естественно” присущим авторитарным и тоталитарным режимам. В этом контексте политический механизм отчуждения является господством над индивидами и социальными группами тех учреждений и персоналий – партий, парламентов, аппаратов и лидеров, которые “по определению” должны отражать интересы своих граждан или членов, а не властвовать над ними. Такие феномены, как политический абсентеизм, девальвация гражданской идентичности, политический элитизм, контроль над властью со стороны наиболее мощных экономических игроков, являются последствиями и проявлениями политического отчуждения.

Угрожающей тенденцией в политике становится исключение гражданского контроля над властью. Этот процесс отражается в появлении такой власти, которая соединяет в себе все функции защиты интересов индивидов без участия самих индивидов. Эту “болезнь современности” Ч.Тейлор[4, с. 350] предлагает лечить путем возвращения к республиканскому идеалу формирования всеобщей воли в процессе публичного политического дискурса или через внедрение механизмов демократии привлечения (participatory democracy) как средства преодоления разрыва в цепи “народ – власть”. Но общим для вышеуказанных позиций является признание того, что современное политическое отчуждение является обезображенной формой истинной западноевропейской демократии или искривлением морального идеала.

В качестве непосредственной причины политического отчуждения выступает узурпация власти представителей и аппарата. Аппарат – это не просто совокупность “освобожденных работников”, а трансцендентная, то есть независимая от его составляющих и властвующая инстанция, – властвующая не только над членами группы, но и над самими представителями. Как возможно такое, что представители, которые получили власть и легитимацию власти от определенной группы, осуществляют власть не только от имени группы, но и над членами группы? Почему аппарат политической партии монополизует процесс принятия решений, которые рядовые члены партии только “принимают” на партийных съездах и конференциях? Почему исполнительная власть относится к законодательной как к механизму принятия решений президента и его аппарата, а сами “представители народа” рассматривают народ в качестве электората, который подтверждает их властные полномочия?

Политическое отчуждение сейчас позиционируется как ненасильственный пассивный тип политического ориентирования индивида, поскольку узурпация власти осуществляется в результате

тонких механизмов, среди которых присутствуют и символическая номинация власти, и метонимия, то есть отождествление части (аппарата) с целым (определенной социальной группой), и отождествление аппарата с высшей трансцендентной инстанцией, что исполняет роль усиления символической власти аппарата и доказательства непогрешимости последнего [2].

Философская составляющая ненасильственных политических взглядов. Как особый нравственный свод идей этика ненасилия возникла на заре становления современных мировых религий. Как персональный выбор человека, своеобразный вызов канонам несправедливости, ненасилие всегда было инструментом протестующих против господства силы и тотальной власти. Исторически принято считать ненасилием не что иное, как непротивление злу силой. То есть ненасилие являлось своего рода пассивностью индивида перед агрессией окружающего мира. Ненасильственные методы трактовались как статичное и отстраненное наблюдение за течением жизни социума. Сам же индивид, который принимал для себя ненасильственный характер взаимодействия с миром, понимался как антисоциальный элемент, не желающий участвовать в жизни общества (принимать ту или иную позицию конфликтующих сторон). Люди, следовавшие ненасильственным идеалам, считались отшельниками и чуть ли не предателями государственных ценностей. Лишь в двадцатом веке этика ненасилия приобрела более массовый и социальный характер – под ненасилием стало принято понимать искусство ведения социальной и политической борьбы, особый метод разрешения сложных конфликтных ситуаций, новый вид сопротивления агрессору. Вместе с отменой рабства, зарождением нового гражданского общества, законодательным укреплением равенства прав всех граждан, появлением политической свободы, массовое применение ненасильственных идей стало одним из наиболее значимых шагов человечества на пути к нравственным идеалам.

В современном понимании насилие трактуется несколько двояко. С одной стороны насилие понимается как силовое воздействие одного индивида над другим. Примером такого насилия служат бытовые конфликты, межличностные столкновения. Самым крайним примером такого понимания насилия является убийство. С другой стороны, насилие понимается как любой вид воздействия на человека. Будь-то моральное, психическое, финансовое, политическое или любое другое воздействие. Соответственно и под ненасилием следует понимать не только неприменение физического воздействия на человека, но и отказ от любого другого давления на личность. Ненасилие является активной формой борьбы с концептом силового воздействия.

К трактовке насилия можно подходить как с абсолютистской, так и с прагматичной позиций. Абсолютистская традиция считает, что насилие не что иное, как выраженная негативная оценочная нагрузка. То есть насилие есть зло вообще. Зло по определению. Исходя из данной традиции, под насилием следует понимать лишь такое действие или экзогенное принуждение человека, которое является предосудительным для общества. Становится очевидным, что абсолютистская традиция трактовки насилия – это любая социально-приемлемая позиция, какой бы аморальной она не была. Мнение большинства приравнивается к истинности. Историческая практика ведения ожесточенных войн показывает, что не редко такие войны одобрялись большинством граждан в конфликтующих государствах. Однако по окончании войны и подведению итогов граждане понимали, какую непростительную жертву принесли на алтарь сражений [2, с. 172]. Прагматическая трактовка насилия базируется на ситуационном возможном оправдании для насилия. Такое оправдание в данном русле возможно, если применение силы понимается как справедливое возмездие или нанесение малого урона ради предотвращения большого. Оправдание применения силы возможно практически в любой ситуации, если окрестить эту ситуацию миротворческим конфликтом или же спрятать истинные цели насилия за ширму благодетели. Таким образом, граждане одного государства могут оправдывать ведение войны против другого государства лишь тем, что по успешному окончанию войны их государство может разжиться новыми пленными или материальными ценностями. Но для граждан другой, конфликтующей с ними державы, такой исход событий будет считаться катастрофическим. Истинная цель ненасильственного разрешения конфликта состоим в том, чтобы обе конфликтующие стороны были удовлетворены результатами разрешения спора.

С религиозной точки зрения, природа ненасилия является априорным качеством человечества. Христианство утверждает, что человеку изначально не свойственно применение силы против другого индивида. Религиозное ненасилие исходит из убеждения самоценности каждого человека, как свободолюбивого существа. Терпимость мировых религий друг к другу является примером ненасильственного сосуществования различных течений без присвоения кому бы то ни было особой монополии на истинность. На примере религии можно отчетливо проследить трансформацию

взглядов человечества относительно этики ненасилия в русле проблемы добра и зла. Отождествление зла с насилием и ненасилия с добром является первым важным шагом человечества к истинным идеалам моральности. Религиозные идеи ненасилия исходят из метафизической святости каждого человека. Христианство, например, говорит о том, что насилие – это приобретенная в процессе жизни установка человека. С этим утверждением невозможно не согласиться. Антропология утверждает, что во времена общинного строя, понятие межличностного насилия отсутствовало, как таковое [3].

Зарождение насилия хорошо иллюстрирует марксистская традиция. Под насилием, в его широком смысле, марксизм понимает применение тем или иным классом различных, вплоть до вооруженного воздействия, форм принуждения в отношении других классов или социальных групп с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных прав или привилегий. Отношение государства к насилию можно условно разделить на два вида. В первом случае государство институционализирует насилие (легитимирует), во втором – заменяет насилие косвенными формами (психическим, политическим, финансовым и пр. насилием).

Если рассматривать ненасилие, как одно из ключевых понятий гуманизма, то можно определить ненасильственную этику как осознанное избегание индивидом применения силы. Гуманистическая позиция заключается в том, что психологически и эстетически насилие может быть привлекательным лишь для девиантных субъектов общества. А вот политически насилие может быть выгодно для террористических структур или реформационно ориентированных партий и движений.

Гуманистическая традиция задается одним из фундаментальных вопросов всей теории ненасилия. Что же является главенствующим фактором в ненасильственном взаимодействии индивида с миром: неприменение силы как таковой или же отказ от насильственных методов борьбы со злом? В случае, когда нужно немедленно противостоять злу, насилие как метод подавления агрессии, может быть неизбежно. Однако в случае ожесточенных войн, которые зачастую можно остановить только силой, насилие может выступать как промежуточный этап, так как остановить схватку – это еще не означает исчерпать предмет конфликта. Но при силовой остановке конфликта можно создать необходимые условия для дальнейшего ненасильственного и гуманного разрешения сложившейся ситуации. Такими ненасильственными методами решения конфликтов могут служить мирные или взаимно терпимые переговоры сторон, заключение обоюдных соглашений, поиск компромиссных путей решения задачи. Соответственно, такие же проблемы могут возникнуть и при предотвращении насильственных действий индивида. Остановить человека, идущего на преступление, зачастую оказывается возможным лишь с помощью применения силы. В ситуации, когда решение проблемы должно произойти немедленно, здесь и сейчас, поиск подходящих аргументов для предотвращения преступления может быть хорошим, однако неоправданно пролонгированным способом решения проблемы. Для индивида, применяющего на практике философию ненасилия, такие ситуации могут быть противоречивыми и затруднительными. Поэтому гуманистическая традиция предписывает человеку поступать взвешенно и в принятии решения ориентироваться на конкретную сложившуюся ситуацию.

Становится понятным, что ненасилие – это отнюдь не пассивность индивида перед окружающим его злом. Ненасилие это активная позиция, конкретно-целевое противостояние насилию и несправедливости. Это противостояние заключается в особом безусловном противлении. Добро, как суть ненасильственной этики, является активным и действенным. Как в ценностном, нормативном, так и в поведенческом аспекте, суть добра (справедливости) является доминирующей над принципом насилия. Действенное добро – это добро, взаимодействующее со всеми структурами общества. Не только социальными, моральными и духовными, но и политическими. Добро, как идеал ведения внешних политических переговоров является несколько утопичным символом, однако вполне приемлемой целью для государственного курса ведения диалога [1].

Важным аспектом в трактовке любого насильственного акта является вычленение и дальнейший разбор причин возникшей агрессии. Мы должны понимать и принимать сложившиеся внутри каждой личности два абсолютно разных типа агрессии. Первый тип является общим и для человека и для животных. Это природно обусловленный импульс к атаке (или бегству) в той ситуации, когда возникает явная угроза для жизни. Эта агрессия является оборонительной функцией индивида и основана на инстинкте самосохранения и выживания рода. Такая биологически обоснованная агрессия автоматически притупляется, как только угроза жизни индивида исчезает. Гуманизм рассматривает такую агрессию как вынужденную меру и в должной степени принимает и не порицает индивида, который был вынужден применить силу для защиты собственной жизни. Но и здесь существует множество технических нюансов. Следует разграничивать вынужденное

применение силы для спасения собственной жизни и чрезмерное насилие над субъектом, являющимся причиной угрозы. Второй тип агрессии – это особая деструктивная жестокость, которая свойственна исключительно человеку. Такая агрессия негативна уже по определению. Она оскорбляет, подавляет и властвует. Именно жестокость является основной доминантой беспричинной агрессии.

Исходя из современного опыта ведения международных миротворческих переговоров, можно сказать, что ненасилие созвучно и в некотором роде тождественно понятию мира, как отсутствия конфликтов и вражды. Однако отсутствие кровавых войн, сосуществование, а в некоторых случаях и вынужденное примирение сторон не могут исчерпать всего содержания ненасилия, так как этика ненасилия не останавливается на исключительно физическом аспекте подавления воли индивида. Миротворчество базируется на особом принципе подавления конфликтов, оно провозглашает мир без оружия и противостоит не столько физической силе, сколько вражде, как особому виду житейских установок. При современном социокультурном уровне развития общества два враждующих государства могут обойтись без кровопролитных конфликтов. Миротворческая идея ненасилия содержит в себе важный момент – своего рода декларацию отказа от применения необоснованной и внеправовой силы и, что особо ценно, преодоление возможных ситуаций, в которых могут возникнуть применение силы, недоверие сторон и ожесточенная конфронтация.

Во взаимоотношении понятий «мир» и «ненасилие» есть и другой существенный аспект. Оба эти понятия сопряжены с правовой идеей. Сохранение мирного гражданского общества – это одна из базисных установок ненасилия. Но мирное общество, как показывает история, невозможно без правильной правовой регламентации как межличностных, так и социальных отношений в целом. Таким образом, ненасилие является правовым инструментом установления гражданского мира, закрепленным не только в моральных установках самой личности, но и укоренившимся в правовом сознании граждан.

Социальные институты гражданского общества выполняют особую функцию безличного молчаливого миротворца, особого посредника и мирового судью в сложных конфликтных ситуациях. В этом случае «социальное» выступает в роли регулировщика моральности [1].

Гуманистический опыт внедрения этики ненасилия базируется на конкретном и принципиальном действенном ненасилии. На том, что основной аргументацией в ведение миротворческих переговоров должны служить религиозные и нравственные установки, свойственные в том или ином роде всему человечеству.

Перечисленные выше базисные основы гуманистических идей ненасилия не являются исключительно теоретическим компонентом. Любая из теорий непротivления злу насилием может быть вполне приемлема в практическом русле. В абсолютном широком смысле внедрения ненасильственной этики во все отрасли жизнедеятельности человека, важен не столько героизм и моральность одиночек, сколько готовность правовой системы в целом регламентировать не только внутренние, но и внешние отношения государств правильным образом. Замена традиционной насильственной обороны государствами своих рубежей на мирные бесконфликтные переговоры и поиск компромиссов может стать хорошей альтернативой войнам и создать необходимое подспорье для повсеместного внедрения этики ненасилия.

Как показала мировая практика осуществления миротворческих миссий, действительно, не всякое применение силы является воплощением зла. Но и не всякий отказ от применения насильственных методов и использования оружия является воплощением добродетели. В рассуждениях о философии ненасилия очень важно иметь рациональные объяснения тем или иным действиям и руководствоваться при принятии решений исключительно принципами гуманности и моральности. Ведь понятие ненасилия по своей нагрузке значительно обширнее, чем просто отказ от применения силы. Особенностью ненасильственного разрешения конфликтов является то, что этика ненасилия сориентирована еще и на достижение понимания между двумя враждующими сторонами.

Ценностная нагрузка ненасильственных идей может быть раскрыта при философском и историческом дискурсе в суть проблемы, однако суть ненасилия как специфического механизма регулирования отношений, может быть полностью понята лишь при практическом применении ненасильственных установок, как в социально-культурной сфере жизнедеятельности общества, так и в политическом аспекте взаимодействия государств.

Современная наука имеет в своём арсенале множество блестящих теорий ведения войн, однако сама концепция этики ненасилия, при условии ее правильной адаптации для конкретных конфликтных ситуаций, может принести куда более удачные плоды для закономерного морально-

этического развития межличностных и межгосударственных отношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов С. С. Неявная субъективность : Опыт философского исследования / С. С. Абрамов. — Томск : ТГУ, 1991. — 206 с.
2. Тойнби А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. — М. : Прогресс, 1991. — 431 с.
3. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. — СПб.: Эксмо, 2002. — 207 с.
4. Ярошевский Т. М. Личность и общество ; [пер. с польс. М. Тадеуш] / Т. М. Ярошевский. — М. : Прогресс, 1973. — 543 с.

Іванов Є. В. – доцент Одеської національної академії харчових технологій.

УДК: 165:316

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Стаття присвячена дослідженню предмета та об'єкта соціального управління. Велику увагу приділено порівнянню різних точок зору на дане питання, які існують в сучасній філософській літературі.

Ключові слова: предмет, об'єкт, соціальне управління, суспільство.

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Статья посвящена исследованию предмета и объекта социального управления. Большое внимание уделено сравнению разных точек зрения на данный вопрос, которые существуют в современной философской литературе.

Ключевые слова: предмет, объект, социальное управление, общество.

SUBJECT AND OBJECT OF SOCIAL ADMINISTRATION

The paper is devoted to study the subject and object of social administration. Main attention is paid to the comparison of different points of view on this issue, which exist in the contemporary philosophical literature.

Keywords: object, subject, social control, society.

На початку ХХІ ст. соціальні проблеми, в тій чи іншій мірі пов'язані з управлінням, значно загострилися. Практично в усіх сферах суспільного життя, в більшості країн світу ми спостерігаємо ескалацію суспільних конфліктів, конфронтацію різних соціальних груп і невдоволення тими, хто повинен вирішувати соціальні проблеми, керувати суспільством – політиками, державними діячами, високопосадовцями. Сподівання на те, що успіхи менеджменту перетворить цю науку на панацею від усіх бід нашої епохи, не виправдались. Натомість більшість сучасних керівників різного рівня зосереджуються на вирішенні сьогоденних задач, оминаючи глибоке теоретичне осмислення передумов, які їх викликають. І власне серед суспільствознавців теж немає єдності щодо того, на яких проблемах повинна фокусуватись філософія соціального управління, що є її предметом, об'єктом і де пролягає демаркаційна лінія, яка відділяє її від інших наук, пов'язаних з управлінням, – менеджментом, теорією управління, кібернетикою і т. д. Висловлюються навіть думки про те, що філософія увійшла у період гострої кризи і повинна відсторонитись від осмислення нагальних соціальних проблем, поступившись місцем іншим наукам, скажімо, політології та економіці.

Однак, соціальна філософія завжди була на передньому краї наукових та філософських змагань, звертаючись до нагальних проблем людства, тому, на думку автора, вона і зараз не може бути осторонь осмислення проблем соціального управління, але необхідне уточнення, систематизація та розвиток методологічної бази даного напрямку філософії.

Перед усім спробуємо розібратись з об'єктом соціального управління. Об'єкт дослідження у філософії – це явище або група явищ, що існують поза свідомістю дослідника та незалежно від неї, це та частина наукового знання, з якою дослідник має справу. П. В. Алексеев досить вдало визначив об'єкт соціальної філософії як культуру, під якою він розуміє складноорганізовану систему